

ЮРИДИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ДЕЙСТВИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С.Ю. Марочкин*

Конституция РФ закрепила общепризнанные принципы и нормы международного права (МП) и международные договоры РФ составной частью ее правовой системы и приоритет применения правил договоров в случае их расхождения с нормами законов (ч. 4, ст. 15). В ее развитие Федеральный закон "О международных договорах Российской Федерации" устанавливает в части 3, ст. 5, что положения официально опубликованных договоров, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в РФ непосредственно.

Отсюда вытекают задачи определения места норм и источников МП в правовой системе РФ, соотношения юридической силы норм МП и внутреннего права¹, юридических условий действия норм МП во внутригосударственной сфере, применимости этих норм к отношениям с участием субъектов внутреннего права.

Последняя задача имеет важное практическое значение, поскольку позволяет установить, когда суды и другие органы могут применять те или иные нормы МП при решении конкретных дел, а когда нет.

Условия есть юридические основания использования и применения норм МП в правовой системе РФ, обстоятельства, дающие юридическую возможность применения.

Общим условием выполнения норм МП, в том числе и обеспечения их действия, является принцип *pacta sunt servanda* ("договоры должны соблюдаться" — *лат.*), точнее, даже не сам принцип, а обязанность и задача государства установления такого законодательного режима, который бы максимально способствовал реализации заключенных соглашений и, следовательно, наиболее последовательному применению принципа добросовестного соблюдения международных обязательств².

Выделяется и ряд конкретных, специальных условий, которые, впрочем, имеют неодинаковое значение. Одни являются обязательными, другие играют дополнительную роль.

---

*Заведующий кафедрой юридического факультета Тюменского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент. См. подробнее об авторе в № 4 нашего журнала за 1997 г.

Под обязательными условиями имеются в виду те, без которых действие норм МП, в том числе их использование и применение во внутригосударственной сфере, было бы, как представляется, неправомерным. К ним относятся признание обязательности договора или общепризнанного принципа (нормы) МП, вступление в силу договора, его опубликование, отсылочные нормы к МП.

Признание обязательности. Это в равной мере неперемное условие для общепризнанных (в форме обычая) и договорных норм. Очевидно, что общепризнанность не означает обязательности абсолютно для всех государств. Вряд ли такие нормы и существуют. Некоторые из государств могут быть не связаны общепризнанными нормами. Поэтому ссылка на те или иные общепризнанные нормы должна сопровождаться установлением факта их признания нашей страной. И напротив, их использование и даже просто упоминание в качестве аргумента, не подлежащего сомнению, в пользу определенного вывода без установления такого факта представляется юридически некорректным.

Не всегда безупречна в этом плане практика Конституционного Суда РФ. Так, в деле по статье 18 Закона РФ о гражданстве Суд сослался на “международно-правовые акты” (после упоминания только Всеобщей декларации прав человека), в деле по статье 64 Уголовного кодекса РСФСР — на “другие международные акты” (кроме Международного пакта о гражданских и политических правах), в особом мнении по второму делу судья А.Л. Кононов — на “общепризнанные принципы и нормы международного права”³. В деле о конституционности Указа Президента РФ и законов Пермской и Вологодской областей о выборах Государственная Дума утверждала противоречие Указа “нормам международного права”⁴.

Во всех случаях, заметим, не говорится, о каких “актах” и “общепризнанных нормах” идет речь и имеют ли они силу для РФ, что действительно выглядит в итоге как аргумент *a priori*. Даже характеристика в первом деле Всеобщей декларации как “утвержденной и провозглашенной Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.”, нормы которой, по общему признанию, стали частью обычного МП, сама по себе не подтверждает, что она является обязательной для РФ.

В отношении договоров необходимо установить, выражено ли согласие на обязательность для РФ того или иного договора одним из способов, названных в статье 6 Закона о международных договорах.

Раньше, когда не было нормы, санкционирующей действие норм МП внутри государства, типа части 4, статья 15, Конституции РФ, акты выражения согласия, в частности акты ратификации, оценивались с точки зрения того, порождают ли они обязанность внутригосударственного выполнения договора. Высказывания различались до

противоположных: акт ратификации придает договору силу внутригосударственного закона (Е.Т. Усенко, А.Н. Талалаев, Э.М. Аметистов, Л.А. Лунц, Н.В. Миронов, М.М. Богуславский); напротив, сам по себе он не означает приведения договора в силу на территории государства (Д.Б. Левин, С.Л. Зивс, Р.А. Мюллерсон). Сейчас такая оценка представляется излишней. Часть 4, статья 15, есть общая санкция на действие норм МП в правовой системе РФ, а выражение согласия на обязательность конкретного договора — необходимое условие того, чтобы его нормы получили такую возможность.

Способ выражения согласия, очевидно, не влияет на степень обязательности договора для России, но от него прямо зависит соотношение юридической силы норм договора и внутреннего права в случаях коллизий их друг другу.

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 6 от 29 сентября 1994 г. «О выполнении судами постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 1993 г. № 3 “О практике судебной проверки законности и обоснованности ареста или продления срока содержания под стражей”», в частности, говорится: “Разъяснить судам, что в соответствии со статьей 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, вступившего в силу 23 марта 1976 г., нормы которого в силу части 4, статья 15, Конституции Российской Федерации являются составной частью правовой системы Российской Федерации и имеют верховенство над ее внутренним законодательством...”⁵. Подтверждена обязательность пакта для РФ, но не указана форма выражения согласия на нее, что, очевидно, требовалось, поскольку утверждался приоритет договора над законом и следовало показать, имеет ли именно данный пакт такой приоритет над федеральным законодательством.

Поэтому представляется важным, при ссылке на конкретный договор, установление не только самого факта, но и формы признания обязательности договора. Более того, это просто необходимо, если, скажем, суд обосновывает приоритет договора перед законом и выносит решение на основе норм первого. В подобных делах указание на отмеченные обстоятельства должно быть элементом решения, от этого зависят полнота и строгость аргументации. Ряд постановлений, в частности Конституционного Суда РФ, и особых мнений судей отмечены достаточной точностью в этом плане⁶.

Тем не менее чаще (и это скорее всего можно считать обычной практикой на сегодняшний день) суды не устанавливают (по крайней мере, не отмечают в решениях по делам) факта и способа признания обязательности используемого договора. В значительной части, если не в большинстве постановлений Конституционного Суда РФ дается только название договора или конвенции, порой сопровождаемое комментариями, не несущими должной юридичес-

кой нагрузки (“пакты приняты Генеральной Ассамблеей ООН”, “действие конвенции признано Российской Федерацией”, пакт “является составной частью правовой системы РФ” и др.). Кстати, данная тенденция в деятельности Суда уже подмечалась⁷. Аналогичная тенденция, насколько позволяет судить “Обзор практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц”, наблюдается в деятельности арбитражных судов⁸. Немногим отличается и практика судов общей юрисдикции.

В итоге во всех подобных ситуациях правомерность ссылки на договор и придания ему приоритета действия перед законом остается под вопросом, особенно когда договор заключен органом ниже по статусу, чем принявшим закон, и явно возникает потребность соотношения юридической силы норм первого и второго.

В практике арбитражных судов возник вопрос об освобождении от уплаты налогов финской фирмы на территории РФ. Фирма в обоснование своей позиции ссылалась на межправительственное Соглашение об устранении двойного налогообложения в отношении подоходных налогов от 6 октября 1987 г., которым установлен срок от уплаты налогов в 36 месяцев. Следовательно, в пределах данного срока, по смыслу Соглашения, на фирму не должно распространяться действие российского налогового законодательства. Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ дал следующую рекомендацию: “Арбитражные суды при вынесении решений применяют договоры РФ с иностранными государствами об устранении двойного налогообложения”⁹. Но какого уровня внутренние акты при этом не применяются? И может ли соглашение на правительственном уровне превалировать над федеральным законом?

Надо отметить, ради справедливости, что в деятельности не только Конституционного Суда РФ, но и арбитражных и общих судов достаточно примеров, когда в решениях четко указываются факт и способ выражения согласия на обязательность договора, что, подчеркнем еще раз, несомненно усиливает их обоснованность и доказательность.

Но важно, чтобы это были не примеры, а постоянная практика.

На этом фоне непонятны смысл и обоснованность ссылок на акты, участниками которых на соответствующий момент Россия не являлась и, следовательно, которые не создавали для нее юридических последствий. Можно понять и принять во внимание, что, скажем, ссылки Конституционного Суда РФ на такие акты имеют “только вспомогательный характер”, “способны обогатить аргументацию решения”¹⁰. Тем не менее они нередко звучат и как обоснование постановлений по делу, позиции Суда или судьи, как доказательство неприменимости того или иного закона¹¹. Кажется тем более несомненным с уровнем квалификации состава Суда не просто ссыл-

ки на документы рекомендательного или политического характера, но и характеристика их как “международно-правовых”¹². Вряд ли это пригодный пример для действующих или вновь создаваемых конституционных (уставных) судов субъектов Федерации, как, впрочем, и для судов другой юрисдикции.

Вступление договора в силу. Еще одним неперенным условием действия норм МП в правовой системе РФ является вступление в силу договора. Только действующий договор порождает юридические последствия (если не принимать сейчас во внимание предусматриваемые в праве договоров обязанность не лишать договор его объекта и целей до вступления в силу и возможность временного применения договора). На это четко указывает Закон о международных договорах: договор подлежит выполнению с момента его вступления в силу для РФ (ч. 3, ст. 31).

В праве договоров выражение согласия на обязательность договора и вступление последнего в силу различаются как самостоятельные юридические акты. Различаются они и по времени: между первым и вторым практически всегда лежит определенный отрезок, порой весьма длительный.

Поэтому, применяя нормы договора, важно установить не только факт и способ выражения согласия (уровень договора), но и факт вступления его в силу. Реально же вопрос еще шире: необходимо удостовериться, является ли договор еще действующим, то есть не прекращен ли он в соответствии с МП.

Значение вступления договора в силу не всегда оценивается идентично. Даже в одном и том же издании — “Комментарии к Закону о договорах” — содержатся противоречащие друг другу трактовки. Согласно комментарию к статье 24 (автор А.Г. Ходаков), выражения согласия на обязательность и вступление договора в силу разграничиваются по значению и по времени. Напротив, И.И. Лукашук, толкуя статью 34, фактически обосновывает их совпадение: “под введением в действие и применением понимаются акты выражения согласия на обязательность договора”, а под не вступившими в силу договорами — “договоры, в отношении которых еще нет согласия на их обязательность”¹³. Вероятно, такое толкование обоснованно для доказательства того, что признание неконституционным окончательно принятого РФ договора, который еще не вступил в силу, было бы нарушением МП.

Но вряд ли оно имеет право на расширение. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года недвусмысленно “разводит” по времени и по юридическому предназначению эти два акта, помещая их даже в разные разделы (см. ст. 11, 18b, 24). Статья же 27 о недопустимости ссылки на внутреннее право в оправдание невыполнения договора касается уже действующих, то есть вступивших

в силу, договоров. Весьма созвучен конвенции в этом вопросе и Закон РФ о международных договорах.

Поэтому если для Конституционного Суда важно, прежде всего, признан ли договор Россией, чтобы определить свою компетентность рассматривать его с точки зрения Конституции, то для иных судов и вообще правоприменителей должно быть важно еще и то, является ли он действующим. Известное постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. "О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия" нацеливает суды на применение именно "вступивших в силу для Российской Федерации международных договоров"(п. 5)¹⁴.

Нельзя сказать, что суды в своих решениях всегда отмечают факт вступления в силу и действия договора, в лучшем случае они просто упоминают сам договор, подлежащий применению, что уже немаловажно. Тем не менее приведение такого факта усиливало бы юридическую корректность решения. Подобные примеры есть, и они заслуживают поддержки.

В постановлении Президиума Свердловского областного суда по делу о ходатайстве гражданки Литовской Республики К. о разрешении принудительного исполнения на территории России постановления суда г. Шауляй о взыскании алиментов, в частности, отмечено: "...удовлетворяя ходатайство К., суд правильно исходил из положений договора между РФ и Литвой "О правовой помощи..." от 21.07.92 г., вступившего в силу 22.01.95 г."¹⁵.

Опубликование договора. Я. Броунли замечает, что в государствах, придерживающихся принципа, по которому международные договоры связывают суды без какого-либо специального акта инкорпорации (упомянув при этом и СССР), тем не менее действует важное условие, что договор не может быть осуществлен внутри страны, пока он не опубликован, а контроль над надлежащей публикацией приносит элементы формальной конституционности¹⁶.

В действующем праве России данный принцип сохранен и, более того, поднят на конституционный уровень. Однако Конституция РФ не содержит формального требования опубликования международных договоров, за исключением косвенного требования, выраженного в части 3, статья 15: "Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения". Обоснованно мнение, что оно в полной мере распространимо и на договоры¹⁷.

Федеральный закон о международных договорах значительно дополняет Конституцию в этом плане и напрямую связывает их непосредственное действие с необходимостью опубликования: "По-

ложения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутрисоветских актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно” (ч. 3, ст. 5).

Отсылочные нормы к МП. Из названных юридических условий действия норм МП в правовой системе РФ наличие во внутреннем праве отсылочных норм к МП видится самым непосредственным условием, дающим право применять его нормы. Причем данное условие не в равной мере столь важно для различных форм действия. Скажем, использование норм МП в нормотворческой деятельности вполне возможно и без отсылок к ним. Но они представляются абсолютно необходимыми, в частности, для применения норм МП в конкретных ситуациях. Отсылочные нормы являются как раз тем “зеленым светом”, который открывает возможность нормам МП регулировать отношения в сфере внутрисоветской юрисдикции наряду с нормами внутреннего права. Именно благодаря отсылкам нормы МП обретают юридическую силу в правовой системе РФ.

Суть отсылок в том, что они не вводят в национальное право новые материальные нормы, а лишь допускают, санкционируют применение норм МП для регламентации конкретных отношений, возникающих внутри государства. Иными словами, субъекты внутреннего права уполномочиваются на применение норм МП в решении конкретных правовых вопросов, дел и т.д. При этом, подчеркнем, нормы не изменяют своей природы, остаются нормами МП, по действующими в сфере внутреннего права.

Иное находим, в частности, у А.Л. Маковского: для приведения в действие международного договора, содержащего “унифицированные нормы”, в принципе достаточно их простого санкционирования государством, основной формой которого служит акт принятия им обязательств по договору¹⁸. Аналогичная оценка такого акта имеет поддержку.

Но данный подход, когда возможность или обязанность применения норм договора возникает как бы автоматически сразу после ратификации или иного акта, не совмещается с некоторыми моментами: если нет санкции государства в виде отсылочных норм или норм о приоритете договоров, которые фактически определяют их статус во внутрисоветской сфере, то с точки зрения общих коллизионных принципов права вполне допустима отмена или замена договора последующим законом; МП и внутреннее право представляют все же разные правовые порядки; акт ратификации не содержит норм, определяющих соотношение и взаимодействие договора с законодательством или меры по его выполнению.

Отсюда представляется необходимой, после ратификации или иного акта, санкция государства на действие норм МП в своей пра-

вовой системе, роль которой выполняют отсылочные или коллизионные (приоритетные) нормы. Кроме того, что они, как отмечено, открывают путь такому действию, они определяют и форму взаимодействия норм МП с внутренними нормами или даже соотношение юридической силы первых и вторых. Особенно очевидна их необходимость при коллизиях договора и закона. Г. Кельзен писал по этому поводу: "В случае конфликта между национальным и международным правом вопрос о том, какое из них должно превалировать, может быть решен только на основе соответствующего национального закона..."¹⁹. Ясно, что это функция не Закона о ратификации, который к тому же больше имеет черты не правообразующего, а правоприменительного акта.

Юридически корректным было бы при применении нормы МП приводить и отсылочную норму, обосновывающую возможность применения. В нормативных актах, инструкциях министерств и ведомств, постановлениях Пленумов Верховного Суда, касающихся обеспечения выполнения тех или иных видов договоров, даются соответствующие ориентиры. В практике немало примеров такого рода, хотя вряд ли можно утверждать, что они являются общим правилом.

Раньше, когда не было общеправовой отсылочной нормы к МП, ссылались чаще всего на классическую статью 129 Основ гражданского законодательства или аналогичные ей в соответствующих актах.

В сборнике "Материалы секции права", посвященном 50-летию ВТАК при ТПП СССР, отмечено: "Источниками права, которые применяются ВТАК при определении прав и обязанностей сторон, являются прежде всего предписания международных договоров и соглашений. Согласно коллизионной норме статьи 129 Основ гражданского законодательства, если международным договором установлены иные правила, чем те, которые содержатся в советском гражданском законодательстве, то применяются правила международного договора"²⁰.

В деле № 3-16/85 по ходатайству Центра международно-правовой охраны молодежи в г. Брно (ЧССР) о взыскании алиментов в пользу гражданки ЧССР Р. с гражданина СССР Р. на содержание детей судебная коллегия по гражданским делам Киевского городского суда вынесла определение на основе статьи 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР 1958 года о порядке исполнения решений судов иностранных государств, статьи 63 Основ гражданского судопроизводства (обе содержали отсылочные нормы), статей 56 и 58 Договора о правовой помощи. То же находим в других делах²¹.

Сейчас если используют отсылочную норму, то, как правило, приводят в таком качестве статьи 15 или 17 Конституции РФ. Мож-

но обратиться, к примеру, к ряду постановлений Конституционного Суда РФ по конкретным делам или к особым мнениям его судей.

В частности, в деле о проверке конституционности закона Чувашской Республики о выборах депутатов Госсовета Суд заявил, что по порядку введения в действие норма части 2, статья 42, Закона "не соответствует статьям 15 (часть 4), 17 (часть 1), 19 и 32 (часть 2) Конституции Российской Федерации о равенстве граждан, их праве избирать и быть избранными в органы государственной власти, а также статье 25 Международного пакта о гражданских и политических правах"²².

Дополнительные условия имеют именно субсидирующее значение, не являются столь необходимыми, как обязательные условия, и действие норм МП в правовой системе России возможно и без них. Они как бы развивают, конкретизируют либо дополняют обязательные. Дополнительными условиями можно назвать приказы министерств и ведомств, указание в договоре о его применимости к конкретным отношениям, компетентность органа.

Приказы министерств и ведомств. Министерства и ведомства обеспечивают выполнение международных договоров страны в пределах своей компетенции. Такая обязанность предусматривалась Законом СССР 1978 года о порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров; предусматривается она и действующим Законом РФ о международных договорах. Для ее реализации министерства и ведомства издают приказы и инструкции своим нижестоящим органам, содержащие различные положения: извещение о вновь заключенном и вступившем в силу договоре, объявление договора для руководства, разъяснение и толкование его положений, порядок тех или иных процессуальных действий в связи с договором (договорами), приказание обеспечить выполнение, отсылочные нормы к договору. В итоге положения таких приказов становятся дополнительным юридическим условием действия норм МП наряду с общими отсылочными нормами в Конституции и законах.¹

Указание в договоре о его применимости к конкретным отношениям. В договорах встречаются положения о том, в отношении каких субъектов они действуют, в каких ситуациях применяется договор, а в каких — законы стран-участниц. Данные положения, следовательно, также выполняют роль дополнительных юридических условий, ориентиров для соответствующих органов относительно возможности применения норм МП; дополнительных в том смысле, что они не являются общеобязательными, поскольку присутствуют не во всех договорах.

В деле о спасании теплохода "Индиан траст" МАК пришла к выводу, что отношения сторон в целом подпадают под действие Международной конвенции для объединения некоторых правил от-

носителю оказания помощи и спасания на море 1910 года. Как явствует из статьи 15 Конвенции, если спасавшее или спасенное судно принадлежит к одному из государств—участников Конвенции, ее положения применяются “ко всем заинтересованным лицам”. Статья предусматривает применение национального закона в том случае, “если все заинтересованные лица—уроженцы того же государства, что и суд, в которое внесено дело”. В данной же ситуации речь идет о едином обязательственном отношении, регулируемом Конвенцией 1910 года, в котором в качестве кредитора выступает советский спасатель, а в качестве должника — иностранная фирма²³. В другом деле по этому же основанию МАК отказала в применении Конвенции и рассмотрела спор на основании ГК РСФСР²⁴.

Компетентность органа. Нередко можно найти и положения о том, какие органы договаривающихся сторон компетентны рассматривать соответствующие вопросы и, следовательно, применять нормы договора, что означает в таких ситуациях “подключение” к обязательным условиям еще одного — возможность реализации данного договора точно определенным органом или видом органов. Скажем, в серии договоров о правовой помощи применительно к России называются органы юстиции, об избежании двойного налогообложения — министерство финансов, в Конвенции об упрощенном порядке приобретения гражданства гражданами государств—участников СНГ — полномочные органы, осуществляющие регистрацию приобретения и выхода из гражданства, в договорах РФ с Туркменистаном и Таджикистаном об урегулировании вопросов двойного гражданства — органы внутренних дел, дипломатические и консульские представительства.

И наоборот, отсутствие договора, в котором указывалось бы на полномочие органа, может стать основанием к его отказу рассматривать те или иные вопросы.

В деле по иску западноберлинской фирмы к фирме из ФРГ о расторжении контракта ВТАК при ТПП признала себя некомпетентной рассматривать спор, поскольку ни письменное соглашение сторон, ни их действия не свидетельствовали о намерениях подчиняться ее юрисдикции. В определении ВТАК, в частности, указала, что равным образом нет международных договоров, предусматривающих для данного случая компетенцию ВТАК²⁵.

Компетентность органов чаще определяется в договорах через регулирование подсудности споров той или другой договаривающейся стороне. Скажем, в договорах о правовой помощи могут содержаться общее правило о компетенции судов, а также специальные правила подсудности по вопросам правоспособности и дееспособности, признания безвестно отсутствующим или умершим,

заключения и расторжения брака, личных и имущественных правоотношений супругов, правоотношений между родителями и детьми и др.

Соответственно, арбитражная и общая судебная практика свидетельствуют о том, что практически в каждом деле устанавливается прежде всего компетентность органа рассматривать его.

Приведем выдержку одного из типичных решений судов общей юрисдикции по делам с участием иностранных граждан. В постановлении Президиума Свердловского областного суда по делу о ходатайстве гражданки Литовской республики К. о разрешении принудительного исполнения на территории России постановления суда г. Шауляй о взыскании алиментов, в частности, говорится: в соответствии с пунктом 1 статьи 51 Договора между РФ и Литовской Республикой о правовой помощи рассмотрение ходатайств о разрешении исполнения входит в компетенцию судов Договаривающейся стороны, на территории которой должно быть осуществлено исполнение²⁶.

При применении норм МП определение юридических условий должно сопровождаться и установлением того, является ли та или иная норма самоисполнимой или несамоисполнимой. Вопрос об этом качестве норм — предмет отдельного исследования.

---

¹ См. подробнее: *Марочкин С.Ю.* Соотношение юридической силы норм международного и внутригосударственного права в правовой системе РФ//Российский юридический журнал. — 1997. — № 2; *он же.* Нормы и источники международного права в правовой системе Российской Федерации//Известия вузов. — Правоведение. — 1997. — № 3.

² *Тиунов О.И.* Принцип соблюдения международных обязательств. — М., Междунар. отношения, 1979. — С. 161.

³ *СЗ РФ.* — 1996. — № 1. — Ст. 54; 1996. — № 21. — С. 2579.

⁴ *СЗ РФ.* — 1997. — № 20. — Ст. 2383.

⁵ *Бюллетень Верховного Суда РФ.* — 1995. — № 1. — С. 3—4.

⁶ См. напр., *СЗ РФ.* — 1997. — № 21. — Ст. 2542; *Вестник Конституционного Суда Российской Федерации.* — 1995. — № 5 (постановление от 31 июля 1995 г.); *Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ.* — 1992. — № 13. — Ст. 671.

⁷ *Даниленко Г.М.* Применение международного права во внутренней правовой системе России: практика Конституционного Суда//Государство и право. — 1995. — № 11. — С.117.

⁸ Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 декабря 1996 г. № 10 “Обзор практики рассмотрения споров по делам с участием иностранных лиц, рассмотренных арбитражными судами после 1 июля 1995 г.”//*Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ.* — 1997. — № 3. — С. 87—101.

⁹ *Там же.* — С. 96.

¹⁰ Тиунов О.И. О применении Конституционным Судом Российской Федерации норм международного права//Первая научно-практическая конференция по вопросам применения норм международного права российскими правоохранительными органами (7—9 февраля 1996 г.)//Национальный комитет Российской Федерации по десятилетию международного права ООН. — М., 1996. — С. 41.

¹¹ См. напр., *СЗ РФ*. — 1996. — № 16. — Ст. 1909; 1996. — № 23. — Ст. 2811.

¹² См. *Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ*. — 1992. — № 13. — Ст. 671; *Вестник Конституционного Суда РФ*. — 1993. — № 1 (постановление от 4 февраля 1992 г.).

¹³ Комментарий к Федеральному закону "О международных договорах Российской Федерации". — М., Спарк. — 1996. — С. 80—81, 98.

¹⁴ *Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации*. — 1996. — № 1.

¹⁵ Дело № 44-г-182, Архив Свердловского областного суда, 1996 г.

¹⁶ Броунли Я. Международное право. В 2-х кн. — Кн. 1. — М., Прогресс. — 1977. — С. 93.

¹⁷ *Конституция Российской Федерации. Комментарий*/Под общ. ред. Б.Н. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. — М., Юрид. литература. — 1994. — С. 118.

¹⁸ *Международное частное право: современные проблемы*. — М., ТЕИС. — 1994. — С. 109.

¹⁹ Kelsen H. Principles of International Law. — New York, 1966. — P. 565.

²⁰ *Материалы секции права*. 33. — М., ТПП СССР, 1982. — С. 28.

²¹ См. напр., дела № 3-16/85; 3-14/87; 3-14/86; 3-20/83, Архив Киевского городского суда.

²² *СЗ РФ*. — 1995. — № 29. — Ст. 2860; а также 1996. — № 16. — Ст. 1909; 1996. — № 23. — Ст. 2811 и др.

²³ *Переверзев С.С.* Вопросы исковой давности, возникшие в связи с рассмотрением МАК дела по спасанию т/х "Индиан траст"//Торговое мореплавание и морское право. — М., ТПП СССР, 1985. — Вып. 12. — С. 23.

²⁴ *Из практики Морской арбитражной комиссии*. 1972—1977 гг. — М., ТПП СССР. — 1980. — С. 21—22.

²⁵ *Арбитражная практика*. Ч. X. Практика Внешнеторговой арбитражной комиссии. 1982—1983 гг. — М., ТПП СССР. — 1985. — С. 72—74.

²⁶ Дело № 44-г-182, Архив Свердловского областного суда, 1996 г.

г. Тюмень

Статья поступила в редакцию в сентябре 1997 г.